

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ PROBLEMA PRINCIPALE

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.171.2.009-020

В. Н. Синюков*

Право XX и XXI веков: преемственность и новизна¹

Аннотация. Статья посвящена вопросам концептуализации правового развития в XX и XXI веках. Объектом исследования выступают общественные отношения, определившие ход эволюции глобального права в XX веке, а также изменения в макрорегулировании в первой четверти нынешнего века. Предметом анализа стало теоретическое осмысление векторов изменений в сущности права на рубеже двух последних веков. В качестве научной гипотезы выдвинуто положение о регуляторной специфике и об особой стратегической роли XX века для последующего правового развития. Доказывая эту гипотезу, автор структурирует направления глобальной трансформации социальной сущности и социальных взаимосвязей права в предшествующий период; показывает, что эти изменения привели к зарождению системной постклассической правовой традиции. Раскрыты ее характерные признаки и роль в становлении новой правовой идентичности XXI века.

Рассматриваются признаки новизны права нынешнего века. Раскрыты черты его регулятивной индивидуальности, источником которых выступают технологические изменения. Делается вывод, что новизна права нынешнего века обусловлена соединением постмодерна с эпохой внедрения технологических регуляторов.

Показаны направления становления регуляторной индивидуальности XXI века, ее противоречия, связанные с правовой адаптацией нового технологического уклада. Делается вывод, что правовое регулирование движется в сторону включения в свой непосредственный предмет закономерностей природы и новых биологических и виртуальных состояний человека. В правовом комплексе интегрируется методология техники и искусственного языка техники, что ведет к существенному проницанию границ социальных и технических норм.

В статье поставлен вопрос о возможном разрыве правовой традиции, который несет XXI век, о факторах ее усугубления, в том числе факторе пандемии. Формулируется предположение, что новое право возникает в системе инновационных взаимосвязей технологической сферы, которая приводит к реструктуризации институтов права и правоотношений, а также к формированию новых ценностных свойств права — его синкретичности, интеграции индивидуального и общего, бессубъектности, беспредметности, частно-публичной проницаемости, антропоморфности.

Ключевые слова: сущность права XX века; правовая идентичность XXI века; апогамия права; кавитация права; разрыв правовой традиции; правовой стандарт; правовой реестр.

Для цитирования: Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 2. — С. 9–20. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.171.2.009-020.

¹ Статья выполнена в рамках государственного задания 075-00293-20-02 от 25.05.2020, номер темы — FSMW-2020-0030 «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы».

© Синюков В. Н., 2021

* Синюков Владимир Николаевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
lab.ktgp@msal.ru

Law of the 20th and 21st Centuries: Continuity and Novelty²

Vladimir N. Sinyukov, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Vice-Rector for Research, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
lab.ktgp@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the issues of conceptualization of legal development in the 20th and 21st centuries. The paper investigates social relations that determined the global law evolution in the 20th century, as well as changes in macroregulation in the first quarter of the century under consideration. The subject matter of the analysis covers theoretical understanding of the development vectors in the essence of law at the turn of the last two centuries.

As a scientific hypothesis, the author puts forward the statement regarding regulatory specificity and a special strategic role of the 20th century for subsequent legal development. Proving this hypothesis, the author structures the directions of global transformation of social essence and social interrelations of law in the preceding period. The author also shows that these changes have led to the rise of a systemic postclassical legal tradition. The author has described its characteristics and the role in the formation of a new legal identity of the 21st century. The paper also examines the signs of novelty of the law of the present century. The author determines the features of its regulatory individuality generated by technological changes. It is concluded that the novelty of the law of the present century is preconditioned by the combination of Postmodern and the era of introduction of technological regulators.

The paper shows the directions of formation of regulatory individuality of the 21st century, its contradictions related to the legal adaptation of a new technological order. It is concluded that the legal regulation moves towards inclusion patterns of nature and new biological and virtual states of the man in its immediate subject matter. The legal complex integrates the methodology of technology and the artificial language of technology, which results in providing a significant insight into the boundaries of social and technical norms.

The paper questions the possible rupture of the legal tradition, which the 21st century is bringing, the factors of its aggravation, including the pandemic. The assumption is formulated that a new law arises in the system of innovative interrelations in the technological sphere that leads to the restructuring of institutions of law and legal relations, as well as to the formation of new value properties of law—its syncreticism, integration of the individual and the general, non-subjectivity, non-objectivity, public-private permeability, anthropomorphism.

Keywords: essence of law of the 20th century; legal identity of the 21st century; apogamy of law; cavitation of law; break of legal tradition; legal standard; legal register.

Cite as: Sinyukov VN. Pravo XX i XXI vekov: preemstvennost i novizna [Law of the 20th and 21st Centuries: Continuity and Novelty]. *Lex russica*. 2021;74(2):9-20. DOI: 10.17803/1729- 5920.2021.171.2.009-020 (In Russ., abstract in Eng.).

В мире происходят глубокие изменения социально-экономического, политического и технологического характера, которые затрагивают всю повестку правового регулирования, работу ключевых государственно-правовых институтов.

Изменяются роль и масштабы правовой среды, в целом правового воздействия на общество. Предмет правового регулирования становится практически беспредельным. Без создания правовой инфраструктуры невозможно решение практически любых социальных и технологических проблем.

В чем глобальная специфика двух веков права: ушедшего XX и XXI, современного? Есть ли у этих столетий отличия, свой особый характер, регуляторная специфика, стратегическая роль в истории? XX век уже завершился хронологически, но далеко не логически и метафизически; нынешний век хотя и далек до завершения, но уже сейчас демонстрирует явные признаки новизны и возможность относительно рационального прогноза.

Явным признаком новизны XXI века является то, что к его началу под влиянием взрывного характера технологического прогресса, глобо-

² The article was prepared according to the state task 075-00293-20-02 of 25 May 2020, subject number — FSMW-2020-0030 “Transformation of Russian Law in the Conditions of Great Challenges: Theoretical and Applied Foundation”.

ких изменений в структуре мировой экономики прежняя теоретическая основа права стала быстро истончаться. Дефицит актуальных и этически адекватных, эффективных регуляторов остро ощущается во всех сферах инновационных общественных отношений.

Правовое регулирование с самого начала нового века переживает непрерывные изменения, вектором которых выступает невиданное ускорение развития общественных отношений: новая социальная структура общества, меняющиеся экономические факторы, новые интеграционные связи, права человека, прогресс юридической формы.

У этих изменений есть важная особенность: впервые, пожалуй, со времен права XX века — в XXI веке все эти факторы действуют через призму ведущего интегрирующего начала — начала технологического прогресса. Динамику права определяют уже не идеологические различия прошлого века, давно уже не вопросы веры и даже не цивилизационные особенности, а вопросы науки, техники и технологий.

Нельзя сказать, что юристы были в числе первых, кто это осознал. Римляне создали правовые институты, которые выдержали все промышленные революции. Мы до сих пор считаем, что этот мощный фундамент даст нам возможность пережить и нынешнюю.

Но, похоже, в наступившем веке ситуация отличается коренной новизной, и даже римское право и право Нового и Новейшего времени не могло предвидеть тех впечатляющих возможностей человеческого разума, которые глубоко меняют окружающую действительность.

Становление новой правовой идентичности

Источником новой правовой идентичности выступает сфера технологий. Правовое регулирование вошло в сильнейшее магнитное поле технологических изменений; право отчаянно им сопротивляется, пытаясь в конечном счете приспособиться и сохранить прежнюю регулятивную целостность. Сейчас еще удастся восстанавливать преемственность римской и новоевропейской концепции правового регулирования, но ситуация приняла такой вектор развития, который указывает на перспективы, диаметрально противоположные правовой традиции.

Впервые в истории права новые технологии стали напрямую влиять на сам характер права, правореализацию, добираясь до самых клас-

сических и, казалось бы, вечных юридических форм и институтов — договора, субъектов, юридической ответственности, юридического процесса.

Прогресс техники радикально меняет образ жизни людей, экономический уклад, и это требует новаторского правового регулирования. Полноценная интеграция технологических достижений невозможна без интеграции правовой, которая, в свою очередь, требует пересмотра ряда базовых понятий права, правовых процедур.

Современная промышленная революция, впервые за всю условную историю всех промышленных революций, рождает условия для подлинной революции права. Очень важно понять этот процесс и выстроить необходимую стратегию в рамках новой правовой идентичности наступившего века.

Для права наступает подлинная эпоха междисциплинарности: движение к утверждению единства правового и иного фундаментального знания — гуманитарных и естественных наук.

Нынешний этап жизни права беспрецедентен по числу связанных с ним глобальных изменений в социальной, религиозной, этической и политической сферах. К концу XX века эти фундаментальные сдвиги сформировали явление правовой идентичности XX века, целостности его новой — по сравнению с XIX веком — правовой традиции. Сверхзадача доктрины состоит в системном объяснении трансформации права под влиянием современной технологической ситуации в мире.

Сущность правовой традиции XX века

Чтобы понять нынешний век права, необходимо попытаться хотя бы в элементарном приближении охарактеризовать опыт права XX века. Совершенно очевидно, что такой опыт возможен только на значительном историческом расстоянии и в системном качестве. Наш взгляд — сугубо предварительный и теоретический.

В течение всего прошлого века в мире формировалась идеология постклассического права, которая до сих пор очень постепенно входит в базовые институты правового регулирования. Изменения, вызванные идеологией права XX века, настолько глубоки и универсальны, что имеют длительную историческую перспективу и пока далеко не во всем реализовались в тех или иных правовых культурах.

Источником постклассической правовой идеи XX века были мощные позитивистские технологии рационального творчества права и проведение системной правовой политики, которая ставила правовые цели достижения социального порядка, справедливости и эффективности на основе конструктивистских методов правового регулирования.

Постклассическая правовая традиция XX века отражала фундаментальные изменения, произошедшие в Западной Европе и Америке в течение ключевого для последующего развития правовой культуры XIX века. Формирование правовой традиции прошлого века относится ко времени после Первой мировой войны и связано с процессами политической и социальной модернизации, затронувшими ряд ведущих стран, прежде всего США, Россию и Западную Европу.

Особенностью данной традиции является то, что ее основные элементы, наряду с самостоятельными и оригинальными факторами, представляют собой видоизменение черт классической правовой традиции XIX века, эволюция которых достигла критических пределов в Западной Европе после Второй мировой войны. Характерными признаками этой традиции являются следующие:

1. *Секуляризация* правовой культуры, т.е. освобождение общественных процессов, в том числе правового регулирования, от влияния церкви и в целом религиозной традиции. На протяжении значительного времени через религиозную культуру происходило приобщение людей к образованию, письменности, грамотности, художественной и правовой культурности. Правовая социализация людей шла главным образом в рамках арабо-мусульманской культуры, западноевропейской средневековой культуры, русской православной культуры и иных мировых культур. Так, религиозная художественная культура не только воплощала в образной форме сверхчувственные начала, но и раскрывала духовные, нравственные, правовые, эстетические ценности и идеалы. Все основные правовые традиции — древняя и классическая — религиозные, в той или иной мере основаны на религиозном сознании.

Начиная с эпохи Возрождения и Просвещения, в Западной Европе целостность религиозной культуры и правопорядка постепенно утрачивается (в разных странах по-разному и по

разным причинам); духовное единство церкви и права нарушается, институты церкви и государства все более отдаляются друг от друга; обрядность все более делается довлеющей и самоценной. Постепенно художественный мир, а вместе с ним и правосознание делаются все более самодостаточными, секулярными или синкретичными.

Для постклассической правовой традиции характерен необратимый процесс постепенной утраты господствующего положения религии как всеобщего и правового мировоззренческого института, объединяющего все слои общества. Развитие общественных процессов в США, Великобритании, СССР, менее — в континентальной Европе в ходе XX века привело к усилению социально-регулятивного значения различных форм светской культуры и преобладанию естественно-научного взгляда на мир. Отсюда значительно усилились позитивистские тенденции в праве, когда через правовые (законодательные) технологии государства стремятся решать социальные проблемы и улучшить условия жизни человека, где право выступает в роли инструмента проведения государственной политики.

Основные направления секуляризации правового сознания:

- 1) в обыденном правосознании: приоритет качеств силы, античной красоты (духа и тела), успеха; господство формы — вместо ценности смирения, эмпирической слабости, духовной немощи;
- 2) в индивидуальном правосознании: культ себялюбия, умеренного эгоизма, стремления пользоваться благами жизни, формирование психологии потребления — вместо самоотверженной и безответной любви ко всем;
- 3) в официальном правосознании: культ рациональности, научности, ясности ума и мыслей; логичности и практичности мышления — вместо нелогичности моральных правил, основанных на неформальной мудрости, на антиномиях, мистицизме и экстаических состояниях веры;
- 4) в общественном правосознании: господствующая норма о необходимости службы государству и обществу и уравновешенной обеспеченной жизни — вместо мечты о Небесном Царстве, безумном стремлении к трансцендентному³.

³ См.: Ельчанинов А., Эрн В., Флоренский П. История религии. М. — Париж, 2005. С. 149.

II. *Переход к терпимости* в религиозном и социально-правовом смысле; фактический отказ от универсальности господствующей веры и церкви в современных государствах; движение к мультирелигиозности и мультикультурализму. Как писал Ю. Каграманов, цитируя А. Бута, «когда в ставшей предельно терпимой Англии монарх объявляет себя не “защитником веры”, а “защитником вер” (в их числе отнюдь не отказавшегося от своих претензий на универсальность ислама), она тем самым дарует своему народу “поцелуй смерти”»⁴. Социально-правовая толерантность делается важнейшим принципом формирования европейского законодательства.

Происходит интеграция правового, религиозно-бытового и нонконформистского поведения (хиджабы, лезгинка на улицах городов, объятия мужчин при встрече; легализация однополых браков, распространение гомосексуальных отношений на священнослужителей, армию, педагогическую профессию, что формирует новые толерантные культурные нормы. Фактом Новейшего времени стала широкая общественная поддержка движения Black Lives Matter в США).

III. Господство *рационального познания права* (приоритет разума в постижении права и нацеленность его на преобразование окружающего мира) и рационального метода формирования законодательства и юрисдикционной системы, выразившееся в приоритете разумного (технологичного) начала в правообразовании, росте законодательства, в том числе в странах общего и мусульманского права, значительном прогрессе кодификации, которая становится ведущим способом правообразования и убивает иные источники правового регулирования. Возрастает роль юристов и отчуждение от права широких слоев населения.

IV. Господство в правовом сознании и правовом регулировании принципа *антрополоцентризма* — абсолютизации человека как биологического существа (особенно его физиологических, половых и возрастных особенностей) со всеми его инстинктами и наклонностями безотносительно к их моральной релевантности. Появление нового поколения прав — соматических прав человека.

Человек есть центр вселенной и конечная цель всего мироздания. Личность становится источником правового регулирования: само-

определение личности является условием самоопределения права. Эти антропологические черты становятся непосредственным источником правового поведения (искусственное оплодотворение, защита сексуальных меньшинств, феминизм, новый институт прав ребенка, специальное законодательство о молодежи, создание своеобразного культа молодости («тинейджер» — подросток) при посредстве массовых технологий в спорте, музыке, общественно-политической практике).

V. Явление *правовой апогамии* (утрата полового процесса при размножении растений), когда новая правовая общность развивается без оплодотворения социальной, художественной, политической традицией, а возникает на основе любой другой реальности (например, из новой технологии, из экономической целесообразности, из научной теории и т.д.). В связи с этим для данной правовой традиции характерны явления правовой ассимиляции правовых систем, стирание специфических национальных черт (романское и общее право), усреднение социальных статусов (советский человек в СССР, средний класс на Западе, вырождение социальных элит в финансовые транснациональные маргинальные кланы).

VI. *Правовой постмодернизм* — причудливое смешение традиций и форм, хаос смыслов поведения, создающий новый тип правовой культуры, для которого характерны глубокие изменения в структуре правосознания: смещение соотношения правовой идеологии, правовой психологии, обыденного, профессионального и религиозного правосознания в сторону доминирования усредненного массового квазиидеологического и квазипрофессионального сознания, снижение роли правового научного компонента в пользу массовых правовых стереотипов, которые приобретают медийно-принудительный характер.

На этой почве разрушаются юридические догматические каноны (например, презумпции невиновности); происходит вытеснение из сферы регулирования морали и этики («все, что законом не запрещено, дозволено»), элиминация субъективной вины в пользу объективного вменения, правового статуса гражданина в пользу прав человека; возникают новые институты уголовной ответственности юридических лиц, коллективных массовых исков, эрозия доктрины национального суверенитета.

⁴ Каграманов Ю. Разлом // Континент. 2009. № 140. С. 101.

VII. *Новая трактовка субъекта права*: отход от классической теории субъекта: «субъект права понимается не в традиционном смысле — в качестве формального участника правоотношений, а субъекта — творца права, лица, созидającego позитивное право, определяющего во взаимоотношениях с другими лицами “естественные” и “неестественные” права, реализующего идеал справедливого правопорядка»⁵. В данном случае формально обезличенный субъект, каковым выступает лицо в правоотношениях, наделяется никогда не принадлежавшей ему ролью высшей правовой инстанции, самоценной правовой индивидуальности, одновременно создающей в своем сознании образы права, правовые идеалы, творящей правовые законы, заключающей договоры, которая вырабатывает правовые обычаи, выступает участником всех правовых отношений, правовых процессов, является носителем правовой культуры, всех правовых ценностей⁶.

Значительно расширяются границы правового регулирования, предмета правового регулирования. Право превращается в произвол субъекта права, что находит выражение в широком явлении злоупотребления правом, использовании права в антисоциальных целях.

VIII. *Нарастание замкнутости системы права*, которая формируется исключительно своими собственными структурами, создаваемыми рациональным способом. Солипсизм права приводит к тому, что отношения людей заменяются правоотношениями субъектов. Как отмечал Н. Луман, право обладает исключительно своими собственными структурами. Нет такого закона, который был бы представлен самой системой извне, и наоборот, нет такого закона, который мог бы быть экспортирован из системы в среду. Все сообщения, подвергающиеся юридической проверке, обрабатываются внутри самой системы, ей приходится самой поддерживать себя, используя ранее установленный закон для производства новых законов⁷.

Система права уменьшает роль транслятора морально-нравственных, религиозных норм и идей, вырабатывая свой особый тип связей,

особую модель социальных отношений. Юриспруденция приобретает своего рода «инженерный» характер оформления самого разного социального содержания⁸.

IX. Движение к *кавитации* (лат. *cavitas* — углубление, полость) *права*, когда в правовой системе возникают пустоты, свободные от религии, морали, этики; чистая форма права превращается в рафинированный политический модуль, свободный от нравственных, религиозных императивов, где в самом праве видится самоценное и самодостаточное начало, способное генерировать свое собственное моральное содержание и социальный смысл.

Правовое регулирование постепенно заменяется *правовой коммуникацией* субъектов права, где право есть лишь способ коммуникации, формальный принцип взаимодействия субъектов, где законодатель — посредник и где формируется новая тоталитарность.

Право начинает рассматриваться как форма коммуникации, сфера свободного человеческого общения, в которой выражение посредником в качестве общей воли своих собственных притязаний, собственной воли недопустимо. Диалог участников коммуникации нельзя подменять монологом законодателя⁹.

В этом усматривается своего рода завершение правового развития, высший его этап — своего рода *каденция* (итал. *cadenza* — падать) права — заключительный аккорд, когда право выступает уже вне системы традиционных регуляторов, самостоятельно, и субъекты права могут свободно через правовую форму фантазировать на темы иных, «упавших» нормативных систем, быть их самостоятельными артикуляторами в обществе.

Эти векторы носят взаимно противоречивый характер, образуя тем не менее сложную целостность. Имеет ли постклассическая правовая традиция, которая сама по себе еще далека до системной завершенности, продолжение в XXI веке?

У этой традиции слишком значительные исторические корни, она создала мощную и комплексную социальную инерцию. Поэтому XXI век, скорее всего, соединит посткласси-

⁵ Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб., 2004. С. 13.

⁶ См.: Архипов С. И. Указ. соч. С. 11.

⁷ Привод. по: Посконина О. В. Политико-правовая теория Никласа Лумана: методологический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 30.

⁸ См.: Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 167.

⁹ См.: Архипов С. И. Указ. соч. С. 18.

ческую основу с новыми социальными явлениями, связанными с разворачивающейся четвертой промышленной революцией. Вполне возможно, что современная промышленная революция в соединении с векторами постклассического права станет таким потрясением для правовой культуры, которое в сочетании с глубоким социальным модерном XX века приведет к окончательной смене юридических эпох.

Эпоха постмодерна в праве подготовила эпоху господства технологических регуляторов.

XXI век уже в самом первом его двадцатилетии демонстрирует признаки этого синтеза и одновременно странной трансформации тенденций постклассического права.

Регулятивная индивидуальность права XXI века

Важность постановки вопроса о сущности права в нынешнем веке состоит в том, что до сих пор право и техника в постклассической правовой традиции рассматривались всё же как известные антиподы, разные сферы естественного и социального. Постклассическое право XX века не знало и не оперировало понятиями права цифровых технологий, как и вообще права технологий. Однако без таких понятий уже сейчас и еще более — завтра будет совершенно невозможно не только само правовое регулирование, но и прогресс собственно научно-технической сферы экономики и социальных отношений.

Вероятно, далеко не случайно, когда мы пытаемся создать вообще какое-то законодательство в сфере науки, мы испытываем значительные сложности. Природа этих сложностей состоит в том, что в правоведении до сих пор отсутствуют предметы, опосредующие современную научную деятельность; еще больше — продукты этой деятельности, связанные с новым этапом технологического развития. Информационные технологии не имеют должной правовой инфраструктуры.

Право переживает становление регулятивной индивидуальности XXI века. Противоречивость этой индивидуальности состоит в следующем. С одной стороны, накоплены значительные знания и ценности права, современное законодательство и юридическая практика огромны, всё беспрецедентно дифференцировано. С другой стороны, право значительно отстает от стремительно развивающейся жизни, особенно — научно-технологического комплекса; законодательство основывается на

институтах, которые, по большому счету, остаются неизменными с римских времен, ведущие правопорядки задыхаются во всё более нарастающей и противоречивой регламентации.

Весь нынешний инструментарий права построен на категориях субъектов, объектов, правоотношений, юридической ответственности, типичной для предшествующей правовой традиции, которые вступают в острое противоречие с радикально меняющейся технологической ситуацией. Россия пока отстает от западных стран в правовом регулировании, для которых прогресс технологий также составляет большую юридическую проблему. На Западе идут активные поиски новых институтов и моделей регулирования, появляются первые системные правовые акты, и разрыв в правовой культуре увеличивается.

В России ситуация наиболее острая — новые сферы человеческой деятельности оказываются либо в правовом вакууме, не получая достаточной защиты, либо их развитие искусственно тормозится, теряет системность, динамику, продуцирует многочисленные анклавов, делается уязвимым для ситуативного вмешательства, ретроградного законодательства и неконцептуального заимствования.

Блокчейн и криптовалюты; нейросети; генная инженерия; сфера применения искусственного интеллекта и другие направления становятся инновационными блоками не только в развитии экономики, но и в пересмотре всей повестки правового регулирования.

Эти и иные технологии распространяются с большой скоростью и производят глубокий структурный эффект на традиционные правовые отношения. Так, технология блокчейн создает новое качество доверия между контрагентами и меняет тип правового регулирования, основанный на юридическом посредничестве и централизации.

В правовом поле эта технология требует совершенно иного правового мышления. В настоящее время самый масштабный и успешный публичный блокчейн, будучи автономным и самодостаточным по своей сути, возможно, перспективен для интеграции в правовое пространство.

Эти технологии — будущее финансовых инструментов. Они дают невиданные перспективы оптимизации бизнес-процессов, минимизацию рисков мошенничества, повышение прозрачности финансовых операций, возможность их мониторинга в режиме реального

времени. Оставаясь со старыми финансовыми регуляторами, общество оказывается в безальтернативной замкнутой сфере нарастающего потока бумажных документов, существенных временных потерь, неэффективного использования ресурсов, в системе, продуцирующей огромные риски и нарастание мошенничества.

Именно в такой парадигме старые проблемы права имеют перспективу вечности. В настоящее время армия юристов занимается тем, что бесконечно усложняет правовое регулирование, создает дополнительные источники расходов потребителей, и в этой гонке тотальной правовой вооруженности общество уже сейчас терпит поражение. Люди и бизнес не выдерживают гонку регуляторов. Государственные бюджеты и бюджеты корпораций проседают от нагрузки нынешних правовых систем любой цивилизационной принадлежности. Человечеству необходимы компактные и эффективные правовые системы. Эта цель имеет фундаментальную практическую значимость для всех правовых обществ.

Разумеется, не следует упрощать ситуацию в том смысле, что новые технологии автоматически снимут все проблемы. Это далеко не так. Решая часть накопившихся вопросов, технологии несут с собой значительные угрозы и риски, связанные с самим существованием человека, вытеснением его из правового регулирования.

Векторы вызова праву

Право — это общественные отношения, где основным субъектом всегда выступал человек. Если с некоторым упрощением охарактеризовать главную проблему права высоких технологий, то ее можно сформулировать так — продвинутые технологии могут потерять человека. Кроме этого, возникают новые угрозы самого его существования как биологического вида.

В этом вся громадность и новизна вызова, который брошен юристам, всей правовой традиции. Суть сегодняшней ситуации в правовом регулировании состоит в кардинально меняющемся характере отношений человека в окружающем мире — появлении их новых, неизвестных видов — виртуальных, информационных, где фактически преодолеваются границы человеческого и не человеческого.

Изменяется характер социальности — в нее постепенно входят на правах субъектов и новых нетипичных объектов явления, по старой юридической классификации имеющие не

живой, не субъектный и даже не объектный характер, — искусственный интеллект, генные модификации, распределенные сети.

Делается все более актуальной проблема системной правовой интерпретации происходящих технических изменений. Развитие новых технологий подчас выдавливает традиционное правовое регулирование и опережает его в методологическом отношении. Классические юридические режимы, в том числе процессуальные, делаются тяжелым и дорогостоящим препятствием на пути инноваций во многих сферах.

У права XX века есть немало сопутствующих недостатков — дороговизна, проблемы доверия, правонарушаемость, сложная процессуальная форма. Есть и несомненные преимущества — учет всех нюансов правоотношений, гибкость формы и принципы гуманности и справедливости. Технические системы в таком режиме работать не могут.

Коренное отличие всего предшествующего развития права тем не менее состоит в том, что до сих пор юридическое мышление основывалось на собственном методе идентификации права, включающем элементы воли, интереса, цели, запрета и дозволения. Современная ситуация ведет к тому, что право вплотную приблизилось к включению в свой непосредственный предмет закономерностей природы и новых виртуальных и биологических состояний человека. В правовое регулирование интегрируется методология техники и искусственного языка техники, что ведет к существенному проницанию границ между социальными и техническими нормами.

Разрыв правовой традиции

Не исключен принципиальный разрыв, даже пропасть, между постклассическим правом с объективным и беспристрастным правом XXI века без человека. Современное право, построенное на классической модели договора, сложно воспринимает новую технологическую реальность, например смарт-контракты, которые основаны на ином регуляторе — программном коде, который носит самодостаточный и автономный характер. В смарт-контракте могут быть автоматизированы не только отдельные действия и обязательства сторон, но весь процесс исполнения договора. Появилась возможность самоисполнимых договоров, в которых вмешательство негативного человеческого фактора сведено к минимуму.

Необходим поиск оптимальной правовой формы, которая сохранит преимущества прежнего типа договорного права и позволит менять условия применительно к новым обстоятельствам, давать специальную защиту слабой стороне и т.д.

Существуют проблемы в реализации процессуального законодательства в отношении использования в суде информации, содержащейся в блокчейне, в качестве доказательств. Здесь не подходят средства традиционной визуализации в виде изображения на бумаге или мониторе компьютера. Для уяснения смысла документа нужны специальные познания технического характера. Должны расширяться возможности компьютерно-технической экспертизы. Возможно, потребуются создание специальных юрисдикций для такого рода споров, что повлечет новации в судебной системе.

Эти и иные особенности новых технологий ставят в правовой сфере вопрос о самом типе юриста, который необходим новой правовой системе. Скорее всего, исследования приведут к необходимости нового типа юридического образования — на основе естественно-научной и технической квалификаций.

Решение этих и иных проблем открывает значительную перспективу осуществления подлинного прорыва в обеспечении всего гражданского оборота в условиях технологической революции. Сами виртуальные технологии получают беспрецедентно широкие возможности для своего развития, если будет создана соответствующая правовая база. Самое главное — преодолеть нынешнее состояние значительной несовместимости права, правового регулирования и нового технологического уклада.

В XXI веке существует реальная опасность нарушения единства правового регулирования. Цифровые технологии неизбежно будут развиваться. В эту сферу будут вовлекаться все новые виды общественных отношений с новыми субъектами, что может привести к фрагментации и разрушению системы правопорядка. Потребуется еще немалое время для адаптации юридического корпуса и формирования нового правосознания людей.

Необходима новая концептуальная основа правового регулирования, создание принципиально иных юридических конструкций. В отличие от доктрин классического и постклассического права, основанных на физическом субъекте, системное обновление юридических инструментов в XXI веке имеет основу в про-

цессах неживой природы. Такая ситуация возникла впервые со времен римского права, и она опять-таки связана с научно-технологическим прогрессом. Если Россия системно осознает это в строительстве своих государственно-правовых институтов, возможен переход к гораздо более современной правовой системе в целом, конкурентоспособной в современном мире.

Новые технологии и наука права

Речь идет о создании новой модели правового регулирования, переводящей его в новую эпоху функционирования правовых институтов с невиданными возможностями для человека. Речь идет о самых разных сферах права — от финансовых регуляторов, бизнеса, медицины, налогообложения до местного самоуправления, избирательного права и регулирования транспортных потоков. Далеко не случайно, что в Китае право каждого китайца на биткоин признано основным правом человека.

Необходимо понимание этапов вхождения правовой системы в новое состояние, уяснение смысла и содержания каждого из них, формирование переходных, субсидиарных институтов правового регулирования. Все это должно проводиться на должной исследовательской основе. Право XXI века — комплексный научный проект, который уже сейчас объединяет ученых естественных, технических и гуманитарных наук, что беспрецедентно для правовой и гуманитарной науки в целом.

Проект «Право XXI века» — не изолированный правовой проект, он сопряжен с новыми технологическими инициативами и стратегией научно-технологического развития. Технологии нуждаются в адекватной правовой среде. Необходимо предусмотреть разработку комплексной правовой инфраструктуры — от исследовательской до законодательной и правоприменительной, включая подготовку юристов нового поколения.

Имея технологические достижения, Россия не должна спотыкаться на правовых вопросах, утрачивать приоритеты; необходимо использовать современные средства правовой защиты. Есть предмет, вокруг которого может произойти системное изменение правового регулирования и который даст в перспективе направление развития праву, решит многочисленные проблемы свободы научного творчества.

Для этого необходимы фундаментальные правовые исследования. Первые попытки с наскаком вписать, например, новую технологию блокчейн в существующее правовое регулирование оказались неудачными, так как основывались на традиционных методах юридического запрета и фиска.

Нынешняя правовая система постепенно наращивает потенциал регуляторов и концепций, которые позволяют работать с децентрализованными системами автономного типа.

В XXI веке предмет правовых исследований нуждается в значительном расширении и выходе за пределы сложившейся в XX веке матрицы правовых институтов. Нужны предложения, по сути, нового понятийного аппарата права. Необходимо пересмотреть существующие режимы гражданского, банковского и финансового законодательства, законодательства в области налогообложения и юридической ответственности.

Здесь необходимы междисциплинарный, технико-гуманитарный подход, квалифицированное наблюдение за ситуацией, создание переходных моделей права и фундаментальные прогнозы. Необходимо системно переключить внимание специалистов в отраслях права на явления в сфере высоких технологий, особенно в виртуальной сфере.

В настоящее время имеются глубинные разрывы в системе юридической науки, которые открыла современная технологическая ситуация. Эти разрывы идут по линии — новая внеправовая виртуальная реальность, технологии модификации/улучшения человека, формирование внеправовых, транстерриториальных структур, выступающих реальными субъектами социальной деятельности.

Это требует иной исследовательской стратегии, теоретического и практического реагирования в сфере законодательства и правоприменения. Системность юридического мышления, нарушенная в настоящее время, может быть восстановлена через базисные исследования и разработки с новым составом участников, выходящим за пределы отдельных узких специалистов и коллективов.

В настоящее время обозначились перспективы высоких технологий в медицине, социальной сфере, тех или иных секторах экономики, однако такой ясности по отношению к праву нет. Это состояние правовой сферы чревато утратой единства политико-правовых отношений в обществе, снижением управляемости процессами общественного развития.

От адекватной правовой среды зависит экономический рост, решение социальных проблем.

Новые правовые технологии могут стать определяющим фактором в развитии мировой и отечественной правовой культуры в нынешнем веке.

Влияние пандемии на развитие права

Существенным фактором, который, скорее всего, будет иметь долгосрочное действие для правового развития, стала пандемия — COVID-19, новизна которой, кроме медицинского аспекта, состоит в том, что пандемия-2020 получает гораздо более системные социальные последствия, чем иные эпидемии в человеческой истории.

Эти последствия носят сложный и противоречивый характер. С одной стороны, эпидемия еще раз убедительно доказала трансграничную природу современного мира, а с другой — стимулировала режимы замкнутости и автаркии национальных правопорядков. Очевидным же общим последствием является то, что борьба с эпидемией стимулировала ускоренный рост тенденций, которые уже до нее обозначились в технологическом секторе правового регулирования.

Новая медико-социальная ситуация показала, что, возможно, общество слишком увлеклось технологической повесткой, и 2020 год высветил реальное место, где находится современный мир. Это — глубокие социальные проблемы: бедности, качества здравоохранения, дискриминации, миграции.

Сейчас очень важно понять, как реагировать на актуальные вызовы, в каком направлении должна уточняться повестка в правовом регулировании, как совместить технологическое развитие с ответами на непосредственные угрозы, которым государство вынуждено противостоять.

Для России сейчас наиболее важными вопросами являются организация здравоохранения, решение социальных проблем, финансово-экономические вопросы, поддержка бизнеса, сохранение системы договорных обязательств, вопросы государственного управления, безопасности, защиты прав человека, трудовые отношения, эффективность качества судопроизводства.

Решение этих проблем возможно только в русле стимулирования средствами права техно-

логического развития, цифровых технологий, искусственного интеллекта, внедрения этих технологий в повседневную жизнь людей от торговли до образования. Поэтому необходимо и дальше уделять серьезное внимание правовым вопросам развития медицины, обороту лекарств, биобезопасности, в том числе в период новых эпидемических угроз.

Важна правовая оценка приобретенного в период пандемии социального опыта во всех областях — от трудовых отношений, госуправления до правового регулирования индустрии развлечений.

По завершении пандемии следующий этап приведет к значительному экономическому росту, реструктуризации благосостояния людей, и право должно быть готово к формированию безопасной и комфортной правовой среды для человека.

Сущность права в XXI веке

Нынешний век преобразует старые проблемы и представляет их в новом свете. Сущность права показывает себя в новых ракурсах: право делается гораздо органичнее и «природнее», чем право XX века. Представление о человеке прошлого века — сплошные метафоры по сравнению с правами человека в новом веке, которые приобретают трансэтический, сверхбрутальный, биосоциальный смысл.

До XX века не было права и правового регулирования как социальной системы, и создание такого правового комплекса — итог XX века. Нынешний век преобразует социальное право в по-настоящему универсальный регулятор — трансчеловеческий, технико-человеческий. Все некогда разрозненные аспекты человека в этом праве сведены воедино.

Новое право возникает не в памятниках, не в крупных законодательных формах, а в системе и макроструктуре самих человеческих связей. Среда нового права — социально-технологическая. Любая инфраструктура становится нормативной, если в ней возникают элементы квазиупорядоченности. В отличие от нормативных правовых актов эти элементы находятся в самих

правовых отношениях. Примером такого элемента может быть реестр как технологическое и как правовое понятие. Реестр заново распределяет акторов правовых связей. Ни один источник права XX века не способен вступить с технологией реестра в нормативное соперничество. Причина этого — в принципиальной невозможности для закона и судебной практики напрямую выражать природу отношений и одновременно быть их регулятором¹⁰.

Это новое измерение сущности права, которое постепенно делается господствующим. Такая реструктуризация источников права и правовых отношений неизбежно ведет к отрицанию классических юридических ценностей — нормативности, формальной определенности, равноправия, виновности, состязательности. Право в нынешнем веке постепенно получает новые ценностные свойства — синкретичности, интеграции общего и индивидуального, бес субъектности, беспредметности, частно-публичной проницаемости, антропоморфности.

Новые юридические ценности создаются в новом праве за счет рождения самобытных регуляторов, не похожих на канонические источники права XIX–XX вв. Правовой канон XXI века — сложный комплекс организующих технико-социальных структур (платформ), которые стягивают социальное пространство: экономическое поведение, культурные образы и даже политическую практику. В этом новом регулятивном структурировании и заключается самобытность права наступившего века. Это право — явное отклонение от предыдущей истории и одновременно — ее снятие на высшем уровне развития. Странность и необычность становятся нормой.

XXI век противоположен прежнему веку и предыдущей правовой традиции тем, что знаменует уничтожение старого правового стандарта. В праве нынешнего века социальная необычность, научные открытия напрямую влияют на правовую инфраструктуру, что радикально отличает существование гуманитарной и естественно-технической сфер во все предыдущее историческое время.

В новом праве юридическая энергия продуцируется горизонтальными отношениями и

¹⁰ О значении реестра как юридического факта писал В. Б. Исаков (см.: *Исаков В. Б. Некоторые современные тенденции развития юридико-фактической основы правового регулирования // Юридические факты и их влияние на отраслевые институты права: проблемы и направления развития : монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова и М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2021. С. 81–84*), не раскрывая, однако, роль распределенных реестров как технико-правовых регуляторов.

ими же артикулируется, создавая грандиозную перспективу демократизации правообразования. Новые правовые свойства, изменяющие мир, не могут по своей природе не быть антагонистичными сложившимся типам и методам правового регулирования. Происходит естественный отбор источников права; новые формы права вытеснят нынешние, как когда-то господствовавший обычай ушел на периферию регулятивных средств.

Станет ли современная технологическая революция таким потрясением для права,

которое приведет к смене юридических эпох? Способны ли новые технологии открыть дополнительные горизонты для преодоления сложившегося рутинного правового быта с его непреодолимыми болезнями доверия, бесправия, затратности и коррумпированности? Каким должно быть правовое регулирование, чтобы технологические изменения не привели к потере человека и в то же время право не становилось препятствием к прогрессу человечества?

Эти ключевые вопросы составляют актуальную повестку права в нынешнем веке.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. — СПб., 2004.
2. Ельчанинов А., Эрн В., Флоренский П. История религии. — М. — Париж, 2005.
3. Исаков В. Б. Некоторые современные тенденции развития юридико-фактической основы правового регулирования // Юридические факты и их влияние на отраслевые институты права: проблемы и направления развития : монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова и М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2021.
4. Каграманов Ю. Разлом // Континент. — 2009. — № 140.
5. Посконина О. В. Политико-правовая теория Никласа Лумана: методологический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 1997.
6. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. — Екатеринбург, 2001.

Материал поступил в редакцию 20 декабря 2020 г.

REFERENCES

1. Arkhipov SI. Subekt prava: teoreticheskoe issledovanie [Subject of Law: Theoretical Research]. St. Petersburg; 2004 (In Russ.).
2. Elchaninov A, Ern V, Florenskiy P. Istoriya religii [History of religion]. Moscow — Paris; 2005 (In Russ.).
3. Isakov VB. Nekotorye sovremennye tendentsii razvitiya yuridiko-fakticheskoy osnovy pravovogo regulirovaniya [Some modern trends in the development of the legal and factual basis of legal regulation]. In: Sinyukov BN, Egorova MA, editors. Yuridicheskie fakty i ikh vliyanie na otraslevye instituty prava: problemy i napravleniya razvitiya : monografiya [Juridical facts and their influence on sectoral institutions of law: problems and directions of development: monograph]. Moscow: Prospekt Publ.; 2021 (In Russ.).
4. Kagramanov Yu. Razlom [A Break-up]. Kontinent Publ.; 2009 (In Russ.).
5. Poskonina OV. Politiko-pravovaya teoriya niklasa lumana: metodologicheskij aspekt : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Political and Legal Theory of Niklas Luman: Methodological Aspect: Author's Abstract]. St. Petersburg; 1997 (In Russ.).
6. Tarasov NN. Metodologicheskie problemy yuridicheskoy nauki [Methodological problems of legal science]. Ekaterinburg; 2001 (In Russ.).